

“Зубоскал”: критике не подлежит!

Опыт в методологии реабилитации

Сергей Бондаренко, Наталья Барышникова

◇ eSamizdat 2023 (XVI), pp. 395-430 ◇

В статье анализируются тексты вокруг самиздатского журнала “Зубоскал”, найденного в архивно-следственном деле по политическому обвинению его автора, Леонида Молчанова — инженера из подмосковного поселка Салтыковка, — и группы его соседей.

Дело 1935 года находилось в числе материалов на реабилитированных жителей Москвы и Московской области в Государственном архиве РФ, сам журнал — вещественное доказательство совершения “преступления”.

В 2018 году исследовательская группа “Мертвые души” обнаружила журнал и с тех пор пытается определить способ работы с ним: должен ли он быть републикован в оригинальном виде? Могут ли материалы следствия служить его комментарием? Или, напротив, сами тексты журнала — комментарий к работе следствия? Каким образом может быть устроен критический и микроисторический анализ обоих текстов? Является ли новый этап жизни журнала, после пересмотра результатов политического следствия, формой его реабилитации?

* * *

Летом 1934 года инженер из подмосковной Салтыковки Леонид Молчанов¹ изготовил, напечатал и повесил на доске объявлений местной железнодорожной станции стенгазету собственного сочинения — “Красный обыватель”. Там она не провисела и двух часов и, сорванная неизвестными, исчезла навсегда.

В том же 1934 году Молчанов решил положить на более долговечный способ сохранения собственных текстов — заплатил знакомой машинист-

ке Анне Скрипкиной 30 рублей за печать четырех экземпляров своего нового журнала — “Зубоскал”.

Несколько месяцев спустя сам Молчанов и небольшой круг его друзей, знакомых и примкнувших к ним читателей, были арестованы НКВД по обвинению в антисоветском заговоре и агитации. Главной уликой следствия стал сам журнал.

В 2018 году журнал был вновь обнаружен группой исследователей, волонтеров и друзей, называющих себя “Мертвые Души” и работавших в Государственном архиве с материалами фонда 10035, хранящего следственные дела по политическим обвинениям на жителей Москвы и Московской области. Долговечность проекту инженера Молчанова обеспечило политическое следствие: “Зубоскал”, вместе с материалами НКВД, был сохранен в папке с грифом “Хранить вечно”.

В последующие три года “Мертвые Души” провели серию акций с целью воскрешения журнала и его автора: они предприняли экспедицию в Салтыковку, где обнаружили потомков пяти фигурантов дела, живущих в домах по тем же адресам, что были указаны следствием. Молчановы, Есиповы, Калнины поделились семейными историями и воспоминаниями, однако о самом “Зубоскале” никто из них ничего не знал.

В 2019-м о нем услышали современные обыватели: на фестивале “Пикник ‘Афиши’” был организован небольшой деревянный павильон “Обыватель голосует ногами” в честь Молчанова и его “Зубоскала”. Павильон попал в новостные сводки того дня, благодаря тому, что организаторы фестиваля потребовали от “Мертвых Душ” перестать использовать его как доску для объявлений — весь день там висел бумажный счетчик с числом аре-

¹ Молчанов Леонид Аркадьевич (1909): [здесь](#).

стованных в тот день активистов, гуляющих по Москве “За свободные выборы”². Объявления, снятые спустя больше чем два часа, тем не менее были зафиксированы на многочисленных снимках и описаны в статьях и блогах, посвященных фестивалю³.

Так может ли этот небольшой текст с серией комментариев и замечаний к первому из зубоскальских текстов, стать еще одним небольшим вкладом в его посмертную историю? Вопрос риторический и критике не подлежит.

КРИТИКА

Первые тексты в “Зубоскале”, после краткого предисловия — отзыв редакции на стихи, присланные в журнал салтыковским поэтом, называющим себя Игнатом Заблудившимся. Само стихотворение — персональная инвектива, предположительно поэтическое обращение к отцу главного редактора, Аркадию Молчанову (метонимически — к его немойтой голове):

[...]
Твоя противная башка
Не лучше грязного горшка
Хотел бы видеть я на ней
Венок из дохлых крыс и змей⁴
[...]

На вырезанной в коллажном стиле фотокарточке, вклеенной рядом со стихотворением — молодой человек в рубашке с галстуком, пиджаке и аккуратной прической в стиле позднего Сергея Есенина.

Игнат описывает себя как “поэта-самоучку”, электромонтера, “чистокровного пролетария” по происхождению. Его настоящее имя, “по паспорту”, упоминается в тексте дважды: Евгений Анисимов, Евгений Савельич, как уточняет машинистка, набирающая его стихи: “полегче как-нибудь, Ев-

гений Савельич, у меня инда дух захватывает от ваших междометий”. Однако ни в одном из следственных текстов или воспоминаниях потомков участников дела Анисимов, как персонаж, не фигурирует.

От имени редакции поэту отвечает Гога Кыскин. Его материал — *О творчестве Игната Заблудившегося*⁵ — из всех текстов в журнале, ближе всего к критической формуле с обложки — это воображаемый критический разбор стихов воображаемого поэта.

В тексте Гога Кыскин протоколирует реакцию аудитории на чтение стихов Заблудившегося: от “снисходительно-благосклонных улыбок” к “громму аплодисментов, перед которыми блекли овации, устраиваемые публикой Есенину и Мариенгофу”. Высказываемые редакционной публикой оценки характерным образом напоминают дискуссии вокруг советской литературы начала 1930-х гг., с их акцентом на классовую корректность содержания и легитимацию текстов через обращение к биографии их автора. Калейдоскоп этих мнений и фиксирует Гога Кыскин.

Часть самопровозглашенных критиков считают стихи Заблудившегося работой “титана-пролетария, проснувшегося от векового сна”. Другая часть — творчеством большого неограниченного таланта, которому, тем не менее, требуется дополнительная культурная подготовка. Возможно, его следовало бы выучить правилам орфографии?

Синтезирует две эти позиции третья, акцент на которую сделан набранными в тексте БОЛЬШИМИ БУКВАМИ: “Это же второй Пушкин! Вы понимаете, НЕГРАМОТНЫЙ Пушкин. Пушкин, НЕ УМЕЮЩИЙ РАССТАВЛЯТЬ ЗАПЯТЫЕ! Пушкин, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ДВИЖЕНИЕ ЭЛЕКТРОПОЕЗДОВ! Неужели вы не чувствуете элементов классицизма в его приемах

² Подробнее об акции в этот день на странице ОВД-Инфо: <https://ovd.info/story/aksiya-na-bulvarnom-kolce-3-avgusta-2019-goda>.

³ Н. Гирин, “Эти люди бесстрашны”. Что говорили о задержанных на акции за свободные выборы те, кто сам выбрал “Пикник ‘Афиши’”, “Новая газета”, 85, 05.08.2019, <https://novayagazeta.ru/articles/2019/08/04/81489-eti-lyudi-besstrashny>.

⁴ Полный текст стихотворения и разбора поэзии Игната Заблудившегося — см. Приложения 3 и 4.

⁵ О происхождении псевдонима и генезисе его поэтического стиля мы можем лишь спекулировать — но самый известный Игнат в русской литературе до него — Игнат Лебядкин из *Бесов* Федора Достоевского, капитан Лебядкин, также писавший стихи. В то же время сам Достоевский — еще один важный референс к идее “Зубоскала” — так должен был называться его сатирический журнал, не допущенный к публикации цензурой: Ф. Достоевский, *Предисловие к альманаху “Зубоскал”*, <https://imwerden.de/publ-1863.html>.

письма?”

Первые представляют стихи Заблудившегося самоценным, ‘исконным’ рабочим искусством, которое и должно быть мейнстримом в новом советском государстве. Второе, более консервативное мнение предлагает пролетарию продолжать обучение, фиксирует культурную недостаточность, *work in progress*. Наконец, наиболее экспрессивная оценка видит в Заблудившемся вариацию исконного образа художника, романтического героя нового времени. Дикарь Игнат — с одной стороны прямой наследник традиции чистых, неиспорченных высокой культурой героев из другого, более прекрасного и классово-безупречного мира (отсюда акцент на его неграмотность — как силу, а не слабость), с другой, что важно и отличает его от первого примера — он, тем не менее, наследует и большой, конвенциональной традиции — “Пушкину”, “классицизму”.

КРИТИКА КРИТИКИ, НЕ ПОДЛЕЖАЩЕЙ КРИТИКЕ

Из материалов следственного дела и воспоминаний потомков его фигурантов известно, что все рассказы в “Зубоскале” написаны одним человеком — Леонидом Молчановым. Вероятнее всего, он же является и автором стихов Игната Заблудившегося, и рассказа, анализирующего его стихи. Оставшиеся в семье Молчановых фрагменты дневников⁶ и юношеских рассказов свидетельствуют о более чем десятилетней практике художественного и автобиографического письма, составляющего общий цикл молчановского автофикшна.

Записанные следователем показания знакомых Молчанова по Салтыковке также подтверждают его одиночное авторство — ни один из участников дела не признает тексты “Зубоскала” своими. Оставляя за скобками риторический вопрос — можно ли ставить знак равенства между позицией автора и его лирического героя, ведущего повествование⁷ — мы можем чуть детальнее посмотреть

на собственную позицию Кыскина-Молчанова в отношении к своему материалу.

Мы уже несколько раз называли текст об Игнате Заблудившемся критическим очерком — но точнее было бы определить его с другой авторской позиции — это стилизация, пародия на критический очерк. Это диалог с самим собой, отложенная шутка-с-продолжением, вероятно рассчитанная на эффект обманутого читательского ожидания — первый же (после краткого предисловия) текст в журнале, на обложке которого отпечатано: “Критике не подлежит!”, написанный в критическом жанре (см. Приложение 1). На похожих основаниях сделана пародия на мистический рассказ — *Маленькая пирушка у Большого болота*, философский очерк — *Мелкая философия на глубоких местах*, плутовская новелла — *Мрачный день инженера Баранова* (см. Приложение 2). Все они прочитываются с некоторым сдвигом — как жанровые пародии, апелляции к известным литературным образцам с салтыковской авторской дистанции.

Оставаясь внешним наблюдателем происходящего обсуждения, над схваткой, Гога Кыскин критически описывает критиков, которые, по крайней мере на уровне деклараций, высоко оценивают представленную им поэзию. В редакции “Зубоскала” заседают “легкомысленные пророки”, не видящие главного: Игнат — “реалист”, лишенный мистики и “утопического романтизма”, отрицающий “упадочничество”. Это определенно поэт, пишущий после самоубийств Есенина и Маяковского, поэт новой формации, опирающийся на РАПП (Рабочую Ассоциацию Пролетарских Писателей). Именно эту, пересобранную литературную картину мира, прежде всего и проблематизирует автор текста.

Сам текст рассказа переводит идею критики на мета-уровень. Строго говоря, Молчанов критикует уже не поэта или его критиков, а современный

⁶ С частью из них можно ознакомиться на сайте цифрового корпуса дневников “Прожито”: <https://corpus.prozhito.org/person/4070>.

⁷ Этот вопрос, если он вообще задается, очевидно является одним

из принципиальных для политического следствия. На возможности несовпадения двух этих позиций, в частности, настаивали в ходе своего судебного процесса в 1965 году писатели Андрей Синявский (Абрам Терц) и Юлий Даниэль (Николай Аржак), описанного в *Белой книге: Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля*, под ред. А. Гинзбурга, Москва 1967.

ему литературный процесс, порождающий дискуссии и тексты, подобные тому, что пишет он сам. С его позиции, проблема критического анализа текстов Заблудившегося в том, что любые интерпретации так или иначе сводятся к оценке роли социального происхождения их автора. То, что в сатире начала 1930-х называлось РАППством, то, что работало как система поддержки пролетарских авторов ‘из народа’ и как механизм культурного остракизма для классово-чуждых. В ситуации, где текст репрезентирует лишь классовый бэкграунд его автора, такие как Молчанов неизбежно проигрывают и не публикуются. До тех пор, пока не учреждают свой собственный, самиздатский журнал.

Выход “Зубоскала” приходится на 1934 год, когда на Первом съезде советских писателей, происходит культурный поворот — рапповские практики признаются неактуальными, на смену им приходит новый, во многих отношениях более консервативный, канон соцреализма. Все это, однако, остается для молчановских текстов лишь внешним, историко-критическим комментарием.

Единственным официальным критиком текста О творчестве Игната Заблудившегося оказывается следователь госбезопасности, ведущий дело “Зубоскала” — Семен Павловский. В своем комментарии он характеризует автора как человека “не советского”. Впрочем, как мы постараемся показать в следующей части, критика следствия оперирует своими собственными, отличными от других, законами, и потому сама по себе критике не подлежит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК КРИТИК

Советский следователь по политическим делам в 1930-е годы — профессия творческая. Среди большого количества директив и шаблонов, есть пространство для фантазии, работы со словом, художественного решения. Профессиональный риск и ненормированный рабочий день. Кроме того, следственное дело — текст прямого действия. После его окончания кого-нибудь почти непременно убьют или отправят в лагерь. Эта проза, как ни одна другая, гарантированно меняет жизни.

Известное клише Сталина о писателях как “инженерах человеческих душ” очень близко описывает собственно процесс следственной работы — следователей по политическим делам в профессиональной среде 1930-х и называли “писателями” — тексты лучших из них читали члены Политбюро⁸.

В самиздатском публицистическом бестселлере Владимира Альбрехта *Как быть свидетелем*⁹, автор в частности, описывает фигуру следователя как “драматурга”, который должен составить для суда “пьесу” и, если она будет неудачной, “суд пьесе в постановку не возьмет”. С важной поправкой на время, Альбрехт писал о политическом следствии 1970-х годов, работа следователя Семена Павловского с делом “Зубоскала” в первой половине 1930-х может быть описана в схожих категориях.

Наконец, “Следователь как критик” — это, конечно, и *Критик как художник*¹⁰, эссе-диалог Оскара Уайльда, из серии его программных текстов-апорий, описывающих его взгляды на искусство. У Уайльда критик — большой писатель, чем сам писатель, так как писатель зачастую сам не понимает, что написал, и задача его критика — раскрыть внутренние пружины, замысел, дать проявиться подлинному тексту. При этом Уайльд не ставил никакой явной методологической или творческой границы критики — с тем же успехом критик мог бы и сам изобрести текст для своего анализа, ключевой является сама критическая установка, творческая программа преобразования реальности.

В инструментальном отношении следователь выступает по отношению к своему делу — папке с документами следствия, как автор и как ку-

⁸ Примером такого рода служит фигура Льва Шейнина (1907–1967) — писателя и прокурора, который с 1920-х строил успешную карьеру следователя и одновременно публиковал свои рассказы, предисловия к которым писал Андрей Вышинский, прокурор СССР. Сам Шейнин — прототип писателя-следователя Романа Штерна, персонажа романа Юрия Домбровского *Факультет ненужных вещей*.

⁹ В. Альбрехт, *Как быть свидетелем. Как вести себя на допросе*, Санкт-Петербург 2013.

¹⁰ О. Уайльд, *Критик как художник*, под ред. Д. Рындина, Москва 2017.

ратор. Все документы, подшитые к нему (за исключением материалов реабилитации), попадают в дело, согласуясь с его позицией. Персонажи в деле лишь носят имена реальных людей, обвиняемых в преступлении — их необходимо различать и по умолчанию воспринимать прежде всего, как условность, изобретение следствия, политических аватаров живых людей. Любой текст показаний “Молчанова” и его салтыковских друзей соотносится прежде всего с позицией следователя-как-куратора — без его контроля этих слов в деле бы не было.

ИЗБРАННЫЕ ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЯ ПАВЛОВСКОГО

Творчество главного следователя по делу журнала “Зубоскал”, Семена Павловского¹¹, известно нам из нескольких источников. Его карьерный путь описан в учетной карточке, приложенной к партийной справке, составленной на него во второй половине 1950-х годов, когда и его служебная карьера, и методы работы подвергались серьезно пересмотру¹².

До начала Большого террора Павловский служил оперуполномоченным 4 отдела Управления НКВД по Московской области, где вел несколько примечательных дел, которые удалось отследить в ходе архивной работы “Мертвых Душ”¹³. В числе других, он работал с делами самоназванных членов “остапо-бендеровской партии” (двое молодых людей, Юрий Розанов¹⁴ и Илья Гушин¹⁵, заключили шуточный пакт о взаимопомощи в общении с девушками и получением проходов в театр и кино) и художника Георгия Валикова¹⁶ (он нарисовал

некую калитку рядом с Мавзолеем на Красной площади — дело было закрыто до составления обвинительного заключения).

Павловский вел дело заметного советского поэта, Ярослава Смелякова¹⁷. Он был арестован в декабре 1934-го, за несколько месяцев перед открытием дела “Зубоскала”, и осужден на три года лагерей за антисоветские стихи — в кругу друзей неодобрительно высказывался о советской власти, вслух размышлял о самоубийстве и проявлял “упаднические настроения”. После освобождения из лагеря и пересмотра своего приговора Смеляков, уже в конце 1960-х, написал своему следователю послание:

В какой обители московской,
в довольстве сытом иль нужде
сейчас живешь ты, мой Павловский,
мой крестный из НКВД?

Ты вспомнишь ли мой вздох короткий,
мой юный жар и юный пыл,
когда меня крестом решетки
ты на Лубянке окрестил?

И помнишь ли, как птицы пели,
как день апрельский ликовал,
когда меня в своей купели
ты хладнокровно искупал?

Не вспоминается ли дома,
когда смежаешь ты глаза,
как комсомольцу молодому
влепил бубнового туза?¹⁸
[...]

Стихотворение написано в 1967 году и откликнуться на него Павловский уже не мог, при всем желании. Он умер в 1964-м.

КРИТИКА “ЗУБОСКАЛА”: ЗАПИСИ И ВЫПИСКИ

Главная методологическая особенность работы следователя с делом “Зубоскала” — его укорененность в самом тексте журнала, как одной из центральных улики, доказывающих совершение антисоветского преступления. Павловский сам размечает фрагменты текста — цветным карандашом

¹¹ Страница Семена Павловского в базе данных “Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935-1939”: [здесь](#).

¹² Павловский был арестован в 1951 году как этнический еврей, во время антисемитской кампании в органах КГБ. В ходе следствия ему предъявлялись обвинения в десятках сфальсифицированных расстрельных дел времен Большого террора. Сам Павловский из тюрьмы попал в Казанскую психиатрическую больницу, откуда вышел уже в 1956 году, когда его дело было частично пересмотрено.

¹³ Материал об одном из них можно почитать [здесь](https://holod.media/2021/03/05/bujstvo/).

¹⁴ Розанов Юрий Александрович (1917): [здесь](#).

¹⁵ Гушин Илья Николаевич (1914): [здесь](#).

¹⁶ Валиков Георгий Семенович (1910): [здесь](#).

¹⁷ Ярослав Смеляков (1913-1972) — поэт, переводчик, литературный критик. В 1934-1937 и 1951-1955 годах был репрессирован.

¹⁸ Стихотворение *Послание Павловскому* целиком: Я. Смеляков, *Послание Павловскому*, http://smelyakov.ru/P/Poslanie_Pavlovskomu/.

подчеркивает интересующие его места, ставит галочки и восклицательные знаки. Сама по себе это практика являлась рутинной для политического следователя: теми же методами он пользовался, разбирая, например, тексты показаний обвиняемых и свидетелей. Однако работа с художественным текстом, произведенным вне редакции следствия — скорее исключение. Если в обычной ситуации участие в производстве текстов позволяло следователю самому выписывать необходимые ему для обвинительного заключения формулировки и заниматься копипастом, то в случае с чужим текстом ему нужно более острое понимание политического и развитая способность к политической критике — один из важных критериев для карьерного роста в его профессии. В тексте об Игнате Заблудившемся, Павловский подчеркивает несколько фрагментов, следы которых видны в той части, следственного дела, за которую отвечает уже он сам:

Они говорят о том, что пришли золотые некрасовские дни, когда МУЖИК не только “Белинского и Гоголя” понес с базара, но поволок на базар свои собственные *Мертвые души* и *Ревизоры*¹⁹.

Заблудившийся не первый и не последний, идущий в поэзию от масленников, ареостатов, токарных станков и ПОМОЙНЫХ ЯМ²⁰.

Это ВЕЛИКОВОЗРАСТНОЕ ДИТЯ принадлежит к той бесшабашной армии незаметных серых героев нашей эпохи, которые не утруждают свои “АРЖАННЫЕ” головы разрешением каких-либо проблем, или, не доводящей до добра, философией.

О столь скучных и прозаичных вещах за них думают другие. Они же самой природой созданы только для того, чтоб захлебываться от восторга и кричать ура, когда им об этом намекают их духовные наставники²¹.

Руководство по их интерпретации следователь оставляет в виде отсылок на определенные страницы дела в обвинительном заключении: указанные листы иллюстрируют один из важных тезисов обвинения — “к/р [контрреволюционные] установки в области литературы”. Так о статье-рассказе про

Игната Заблудившегося высказывается персонаж по фамилии Ефремов, проходящий по делу свидетелем: “Содержание журнала явно антисоветское. Мне удалось прочесть передовую, в которой сперва помещено заявление рабочего в ‘редакцию’, а затем разбор редакцией этого заявления в таком духе”:

рабочие неграмотные, навозники, из помойных ям ползут в литературу и вся литература сейчас в руках неграмотных людей, которые берут только тем, что подхалимничают и приспособляются к советской власти, описывая существующее в СССР положение в преукрашенном виде, в то время, как население терпит нужду и находится в тяжелых условиях.

Вот, что записано под именем свидетеля Кондратьева:

Заинтересовавшись этим журналом, мы все вместе устроили читку этого журнала, в котором на первой же странице была помещена статья антисоветского содержания, в которой высмеивалась и дискредитировалась советская литература и ее классовая сущность. Злые насмешки и иронии над социальным происхождением и безграмотностью советских литераторов. Прочтя эту статью и несколько других, мы прекратили чтение журнала, оценив его как антисоветский журнал²².

Наконец, сам персонаж с фамилией автора журнала, Леонид Молчанов, охарактеризовал рассказ следующим образом:

В написанном мною и выпущенном в свет при помощи моих друзей юмористическом журналом “Зубоскал”, статья *Отрочество* [так в машинописи — наверняка следует читать — *О творчестве*²³] *Игната Заблудившегося* являлась наглой клеветой на политику партии в области литературы.

ТОЛКОВАНИЕ

Еще одна важная оговорка. Необходимо разграничить работу следователя-как-критика с собственно социальной или историко-филологической критикой текста. Нет больших сомнений в том, что, последовательно анализируя текст рассказа и следующую за ним политическую интерпретацию Павловского, можно поймать следователя на манипуляции с материалом. Критика текста следствием не отличается тонкостью и встраивает оригинальный текст в универсальный рабочий

¹⁹ Заявление в редакцию журнала “Зубоскал” Союза Беспечальных Коптителей Салтыковского Неба от поэта Игната Заблудившегося, см. Приложение 4, с. 12.

²⁰ Ivi, с. 13.

²¹ Ivi, с. 15.

²² Другие цитаты из допросов см. Приложение 5. *Следователь Павловский. Избранные допросы по делу П-5407*.

²³ Сама по себе ошибка *Отрочество — О творчестве* может быть указанием на то, что текст набран машинисткой под диктовку — оригинал этого заявления в тексте дела отсутствует.

шаблон — от антисоветской агитации до контрреволюции.

Однако — и здесь происходит методологический сдвиг — проблема в том, что следствию и не нужна сложная, нюансированная картина из тех смыслов, что были вложены Гогой Кыскиным в текст своего рассказа. Критика следствия обладает важнейшим диалектическим качеством — в границах стоящей перед ней задачи, она сама не подвергается критике. Текст *О творчестве Игната Заблудившегося* становится антисоветским в момент своего признания таковым со стороны следователя. На его пути нет никого, кто мог бы подвергнуть его собственный анализ проверке или сомнению. Называние, фиксация антисоветской сущности текста, и делает его антисоветским.

Это свойство анализа текста политическим следствием гораздо ближе к практике политического толкования, чем собственно к критике.

Единственной отсылкой к логике следовательской работы служит сам молчановский текст рассказа — Гога Кыскин, фиксирует факт разбора поэзии Игната Заблудившегося как социально-го, а не литературного явления. По сути, рассказ посвящен тому, что некий пролетарий (Игнат З.) пишет стихи и группа искушенных критиков (или представляющих себя критиками жителей поселка Салтыковка) соревнуются в способах его восхваления. Но, что бы они ни говорили, каждая новая реплика так или иначе возвращает читателя к “классовой сущности” автора стихов. Она становится ответом на любой вопрос к тому поэтическому материалу, которым он располагает. И именно такую модель критики, закономерным образом, воспроизводит и само следствие. Отсутствие настоящей литературной критики, означающий кризис культуры, есть центральный вопрос рассказа, в трансформированной форме перетекающий в критику логики политической критики литературной работы Молчанова самим следствием.

РЕ-РЕАБИЛИТАЦИЯ

Персонаж-Молчанов говорит в одном из допросов: “Под именем Игната Заблудившегося я

вывел самого себя”. Глядя на тексты дела с позиции “Мертвых Душ” — группы исследователей, обнаруживших журнал среди папок фонда 10035 Государственного архива в 2018 году — трудно избежать схожей декларации.

Каким образом подступиться к этому документу? Как к аутсайдерской литературе, локальному самиздату? Как к историческому документу, материалу следственного дела? Как к источнику по местной истории, антропологии локального салтыковского мифа? До некоторой степени “Зубоскал” и его автор репрезентирует нас самих — полуподпольных исследователей без пропуска в ‘официальную’ науку, создающих самих себя контрабандным путем.

В показаниях свидетеля Дмитрия Ефремова, записанного следователем Павловским, сказано: “Журнал сделан так, что его не отличить от настоящего”. Желание ‘быть настоящим’ достигается путем выхода в свет, публикации. Заплатив машинистке за набранный текст, а приятелю — за дизайн обложки, автор рассказов сделал его максимально похожим на ‘настоящий’. Похожим, но не ‘настоящим’.

Наказание за его издание, между тем, вполне реально. Если задачей автора было сделать свой журнал почти ‘настоящим’, то задачей следствия — разоблачить в нем настоящее политическое преступление. Критика, проверка на подлинность, происходит здесь в двух разных регистрах. Но — и здесь мы в очередной раз делаем небольшое отверстие в четвертой стене — ‘настоящая’ жизнь журнала “Зубоскал” не закончилась подшивкой к следственному делу его автора. Обнаружение журнала среди архивных материалов в 2018-м году вновь подвергло пересмотру его онтологическое положение в мире.

В фонде 10035 Государственного архива хранятся политические дела на людей, официально реабилитированных советским и российским государством. Реабилитация, согласно закону от 1991 года, отменяет сам факт наличия состава преступления в действиях когда-то осужденных политических преступников. Когда-то бывший уликкой преступления против государства “Зубоскал”, пе-

рестал быть таковым.

Сама процедура реабилитации, между тем, прописана лишь для людей, но не для текстов. Сделает ли реабилитация “Зубоскал” настоящим журналом? Как мальчик, выструганный из дерева, может ли он стать настоящим мальчиком? В книге *По ту сторону преступления и наказания* Жан Амери предлагал свою программу реабилитации переживших радикальное насилие: ему было необходимо, чтобы его мучитель вернулся с ним в прошлое и, в момент совершения насилия, посочувствовал своей жертве, признал ее право быть человеком. И писатель Молчанов, и следователь Павловский, и даже советская власть, официально признаны недоступно-мертвыми. В их отсутствие работа “Мертвых Душ” с “Зубоскалом” может быть первым, еще недостаточным, но необходимым шагом к его реабилитации.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА (ПЕРСОНАЖИ) СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА

Леонид Молчанов — инженер “Стальпроммеханизация” (бывшее Проектное бюро Шухова), 26 лет, автор идеи и текстов журнала. Из дворянской семьи (его отец, Аркадий Молчанов был одним из получателей медали “В память 300-летия царствования дома Романовых”).

Анатолий Половинкин — техник “Гипромаша” 27 лет, друг Молчанова, с которым на момент следствия он находился в ссоре.

Иван Есипов — монтер московского текстильного института, 24 года, член редакционной коллегии журнала “Зубоскал”.

Всеволод Марков — учитель химии из дома напротив Молчановского, 23 года, занимался художественным оформлением журнала.

Сергей Михайлов — техник на заводе “Серп и молот”, 29 лет, в его доме всегда собиралась большая компания, однажды на посиделки принесли журнал и читали его вслух.

Константин Власов — студент МГУ, 27 лет, показал журнал соседу, который принёс его в НКВД.

Анна Скрипкина — машинистка, по просьбе Леонида Молчанова набирала его тексты, которые были впоследствии сшиты в журнал.

Альфред Калнин — проходил по делу, но во время следствия вышел из-под стражи под подписку о невыезде. Его двоюродный правнук, проживающий по тому же адресу в 2019 году поделился с нами фотографиями из театральной жизни Салтыковки 1920-х.

Борис Барабанов, заявленный на обложке членом редколлегии, избежал ареста, потому что на момент открытия дела служил в Красной армии.

Дмитрий Ефремов — заведующий строительством гостиницы Моссовета, 29 лет, сосед по Салтыковке, который был среди слушателей журнала и давал показания о его антисоветском характере.

Братья Кондратьевы: Владимир, бригадир-обходчик метростроя, 26 лет и Николай, токарь на 120-м заводе, 21 год. В квартире первого читали журнал, второй принёс журнал в НКВД.

На судебном заседании 10-11 декабря 1935 все фигуранты признаны виновными в “контрреволюции”, по статье 58-2, и приговорены к срокам от 3 до 8 лет ИТЛ.

В апреле 1936 года Специальная Коллегия Верховного суда отменила приговор суда первой инстанции, и все фигуранты дела были освобождены.

Журнал является собранием жалких, пошлых и циничных статей, свидетельствующих о хулиганском характере журнале в целом и лицах его составляющих и в отношении Молчанова как инициатора, имеются признаки 2ч. 74 ст. УК²⁴.

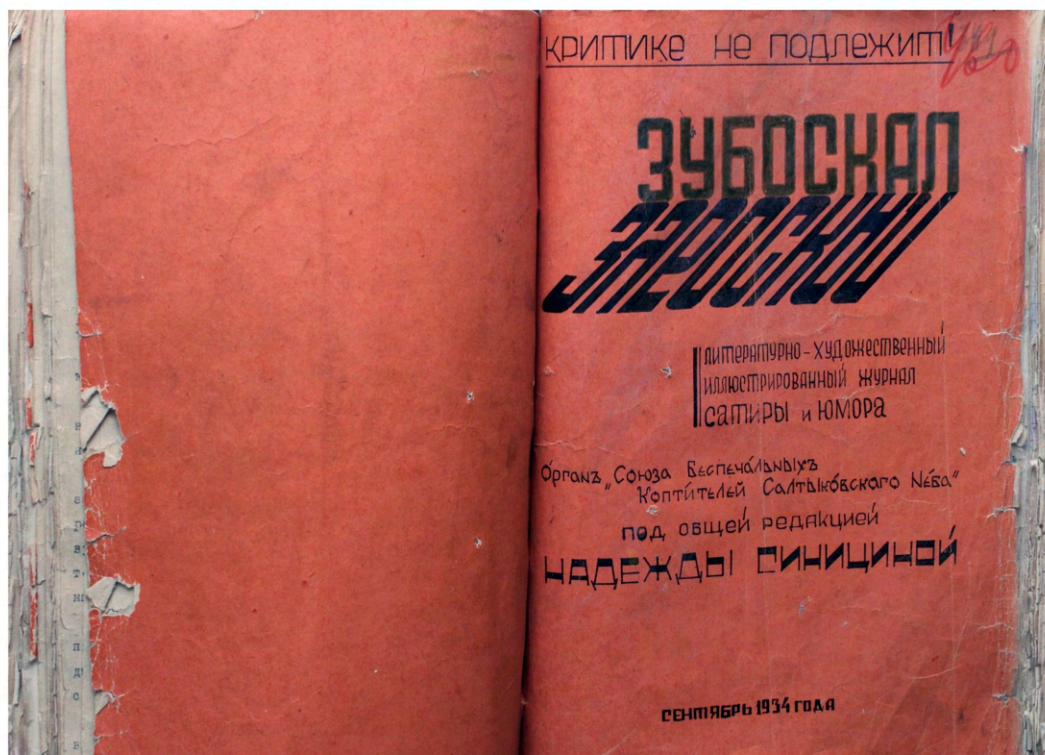
www.esamizdat.it ◇ С. Бондаренко - Н. Барышникова. “Зубоскал”: критике не подлежит! Опыт в методологии реабилитации ◇ eSamizdat 2023 (XVI), pp. 395-430.

²⁴ Из уголовного кодекса РСФСР 1926 года — Хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах караются тюремным заключением сроком на один год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой более тяжкого наказания. [Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 августа 1940 года (“Известия Советов депутатов трудящихся СССР”, 190, 17.08.1940)].

Если означенные действия заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью, — лишение свободы на срок до пяти лет. [10.05. 1935 (СУ, № 14, ст.146)].

Приложение 1. Фото обложки журнала "Зубоскал" (1934). ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-5047.

Приложение 2. Оглавление журнала "Зубоскал" для буклета на Пикнике Афиши. Дизайн Анны Латуховой. Из того же архивного дела.

Содержание

От Редакции	1
Заявление в Редакцию	4
Игнат Заблудившийся "А. М-ву"	7
Гога Кыскин "О творчестве И. Заблудившегося"	8
Дося Шибздиков "Дяденька, прокати"	18
Ж. Башибузуков "Маленькая пирушка у Большого болота"	27
Мика Пупушкин "Мелкая философия на глубоких местах"	41
Кока Кабыздохов "Мрачный день инженера Баранова"	55
Уголок фото-репортера	77
Информационный Отдел	

КРИТИКЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Приложение 3. Игнат Заблудившийся. Заявление в редакцию и Стихотворение "А. М-ву". "Зубоскал". СС. 6-10. Из того же архивного дела.

ЗАЯВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ

В редакцию журнала "ЗУБОСКАЛ" Союза Беспечальных Колпителей Салтыковского Неба.

От поэта Игната Заблудившегося.

З А Я В Л Е Н И Е.

Состоя, понятно, на советской платформе, я, поэт-самоучка, Игнат Заблудившийся, / по паспорту Евгений Анисимов / прошу записать меня на учет в вашей Редакции, как есть я самостоятельный литератор и желаю у вас работать.

При сем сообщаю о себе такие доподлинные показания:

Я чистокровный пролетарий и, ровно сукин сын, работаю не покладая рук монтером по электричеству на подстанции, что в Рогожской Москве, и стихи пишу, можно сказать, без отрыва от производства.

Моя маманька в допрежнее время была дворянчиком, а папанька штукатуром, и оба родители, имея в себе пролетарское происхождение, шибко ненавидели мировую буржуазию.

Паненька помер. от запоя, когда мне было пять лет, и я остался полукруглым сироткой, вдвоем с маманькой, которая жива и поныне и пребывает на моих харчах.

К стихам я приотрастился еще в ранней юности и бывало, что прохожие люто драли мне уши за то, что писал на заборах свои куплеты.

Однако, я не робел и все продолжал писать, почему и имею теперь прорыв своих стихов.

Стихи, понятно, разные, но все под один с классовой закваской и так и далее.

В упадочное состояние я ни разу не вдавался и никакими беспартийным интеллигентам, системы Пушкина, не подражал.

- 5 -

319
419

Вообще, должен сказать, что я брезговую всякими хлипкими классиками и писаний ихних не уважаю. Они всегда разводят какую-то выдуманную хреновину, которую читать скучно и, опять же, противно.

Любовь, соловьи, медапочки. Одно слово - затемнение мозгов.

И я, сообщая, об этих чуждых элементах еще первоначально в своих стихах отмежевываясь, как есть я вполне твердый пролетарий и не желаю никому дурману в голову напущать.

Писать, по моему, надо, не из головы выдумывать, а описывать живых людей, как они есть, и вообще.

А особо серьезно следует прохвостов разных обозначать, которые не стоящие и разлагаются живо на организме мирового пролетариата. И я всегда так делаю.

Беру под художественный обстрел какого ни на есть хлыща и начинаю его расхватывать так, что, аж чернильные брызги с пера летят в разные стороны. Хлобыщу его, хлобыщу, заморюсь, отдохну маленько и опять давай полыскать.

И стих у меня, обнаковенно, идет короткий, но хлесткий, так, что когда, ежели приходится читать его тому облаеду, про кого писано, так он, почитай, в баранку сгинается от злости.

А мне плевать! Пущай все читают и сознают какой он есть паразит.

Промежду прочим, должен сказать, что я очень многих таким манером отделал. Летось, к примеру говоря, попались мне под руки какие-то стишки Есенина.

Прочел я их, - не понравились.

Нитье сплошное, и к тому же, фантазия.

- 6 -

Подожди же, думаю, писака, мать твою за ногу, я тебя об-
разумлю.

Сел за стол, подлил чернил в пузырек и в пять минут ему
такое внушение наката, что он со стыда бы помер, когда-б про-
чел.

Но только-что я зря потел, потому после узнал, что он
еще загодя помер, от чегой-то другого.

Хотел я еще тем же порядком, белого офицера Лермонтова
сокрушить, только ничего не вышло. Не читал я никакого его риф-
моплетства, а так даже трудно - не знаешь с какого боку под-
ступиться.

Так что насчет идеологии и вообще морали не сомневайтесь
потому наперед говорю - не подкачаю.

На предмет ознакомления с моими сочинениями, посылаю
вам тетрадку своих стихков, какие и прошу пропечатывать, штуки
по две в каждом номере.

А допреж всего желательны, чтобы вы мои куплеты пустили
про Салтыковского обормота - Алешку Морозова,

Я давно с им не в ладах и все собираюсь ему морду раство-
рожить за то, что он, подлюга, смеется над моими писаниями
и называет меня Сыроем Малограмотным.

А какой я есть малограмотный, когда я год на рабфа-
ке обучался и разные сурьезные науки произвел.

Известно, меня зло берет, ну я его и расхватил.

Да только слабовато вышло, потому матерных слов нельзя
поболе в строчки напущать.

Стишонки-то у меня мамзеля одна знакомая на машинке
отстукивает, так шибко конфузится, когда крепкое словцо уви-
дит.

- 7 -

« Вы-бы, говорит, полегче какнибудь, Евгений Савельич,
у меня, инда, дух захватывает от ваших междометий!»

Известное дело - баба. А то-б можно было, не в пример,
женной отписать. Но, что-ж изделаешь, пушай, уж так оста-

Только вы, стало быть, уж не откажите записать меня к
в работники, потому мне невтерпех охота печатным словом за-
вать хайло разным мазурикам из мещан, которые ядовитой
ой на меня и на международный пролетариат брызжут.

К сему, со всем уважением,- Игнат Заблудившийся.

*Игнат
Заблудившийся*

А. (И-ВУ.

Тебя, нахального болвана,

Гуся, фавана, индюка,

Занову в ж..е, хулигана

И матерого дурака,

Лягнуть в печати очень рад

Я - Заблудившийся Игнат!

Я знаю, ты умен;

пушай самоуверен,

о, все-ж, ты глуп, как пуп,

ессовестный кобель и мерин!

- 8 -

Я-б оплевал тебя давно,
 Да слюни на тебя мне жалки,
 Мошенник, пьяница, г...с,
 Задрюга, сволочь ... елки-палки!

Твоя противная башка
 Не лучше грязного горшка,
 Хотел бы видеть я на ней
 Венок из дохлых крыс и змей.

Торчи-ж, ядрена мать,
 Как шест в навозной жиже,
 Я на тебя хотел на....ть,
 Тебя я ненавижу!

Гога Кыскин

Приложение 4. Гога Кыскин. О творчестве Игната Заблудившегося. "Зубоскал". СС. 10-20. Из того же архивного дела.

О ТВОРЧЕСТВЕ

ИГНАТА ЗАБЛУДИВШЕГОСЯ

* Ай, да МОНТЕР! Молодец САМОУЧКА! Способный МУЖИК!

Слышали, как он Есенина то отчитал? А классиков то, классиков, прямо на годову разбивает.

Да он и с современниками не церемонится.

Бьюсь об заклад, из малого выйдет толк, если, невзначай, не пришибет его гденибудь током, да, в особенности, если грамоте подучится".

Такие, шутливо-одобрительные, замечания сыпались, как горох, на последнем заседании Редакционной Коллегии, когда перед членами последней было зачитано вышеприведенное заявление, поступившее в Редакцию вместе с аккуратно переплетенной тетрадкой, отпечатанных на "Ремингтоне" стихов.

- 9 -

Непосредственность, простота и, в тоже время, широкий размах пера, глубокая вера в свои силы, сквозящие в каждой строчке челобитной поэзо-МОНТЕРА, сразу подкупили и расположили к себе редакторские умы и мудрые жрецы искусства не проглядели за полуграмотными строчками, написанными корявым неразборчивым почерком, недюжинного таланта ее подателя.

Немедленно, после оглашения заявления, было организовано коллективное заслушивание содержания тетрадки.

Снисходительно-благосклонные улыбки, в которых аудитория встретила первые строфы откровений ЭЛЕКТРО-ПРОЛЕТАРИЯ, постепенно исчезали одна за другой и лица слушателей становились все более внимательными и серьезными, по мере того, как чтец перевертывал, испещренные машинописью, листки.

Глубокая тишина, вторившая голосу декламатора, лишь изредка прерывалась затаенными вздохами и жестами восхищения наиболее горячих умов, у которых на лицах плавало такое шипящее благоговение, которое бывает у молящихся в церкви древних старушек, когда священник произносит непонятные слова, вроде "дондеже", "вонмем", или "аллилуия".

И, когда звенящий, как натянутая струна, голос читавшего чувством выкрикнул последнее, преисполненное глубоким лиризмом и эмоцией, четверостишие последнего стихотворения:

Башка моя - аржаная,

Весь я - аржаной,

Мать моя честная,

Скушно мне со мной!

- 10 -

все присутствующие разразились таким громом аплодисментов, перед которыми блекли овации, устраиваемые публикой Есенину и Мариенгофу, во время их выступлений на литературных концертах.

Надо сказать, что эти аплодисменты были заслужены талантливым МОНТЕРОМ и редакторы не ошиблись, почувствовав в авторе заявления одаренного самородка, подающего большие надежды.

Кажется, еще ни одно экстра-сенсационное сообщение оперативной группы не вызывало столь бурного брожения умов Редакционного Комитета, как обсуждение этой небольшой книжечки в коленкоровом переплете.

Некоторые, особо экспансивные и легко воспламеняющиеся натуры, даже узрели в Заблудившемся исключительно выдающегося гения и будущее светило мировой литературы.

Это же второй Пушкин! Вы понимаете, НЕГРАМОТНЫЙ Пушкин, Пушкин, НЕ УМЕЮЩИЙ РАССТАВЛЯТЬ ЗАПЯТЫЕ! Пушкин, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ДВИЖЕНИЕ ЭЛЕКТРО-ПОЕЗДОВ! Неужели вы не чувствуете элементов классицизма в его приемах письма? - неистово вопили они. Дайте ему букварь, посадите за правописание и он вам заткнет за пояс всех певцов прошлого и настоящего столетий.

Правда, таких легкомысленных пророков было сравнительно, немного.

Несколько более многочисленной была группа, оценившая творчество Заблудившегося, как творчество титана-пролетария, проснувшегося от векового сна и дающего оглушительную за-

- 11 -

3820
722

рецину буржуазно-общественному вкусу.

Отрицая какие либо классические тембры, в звуках лиры молодого МОНТЕРА, они считали его чем то вроде второго Маяковского, создавшего совершенно новый, неизвестный до сих пор, стиль письма, долженствующий, по их мнению, в недалеком будущем, сделаться образцом для пролетарских поэтов всего земного шара.

Но, в общем, и этих иллюзионистов нашлось ограниченное количество.

Огромное же большинство членов Коллегии, после протран-ных дебатов, дало следующую, записанную в протоколе заседания, оценку начинающему литератору:

" Богато одаренный РАБОТНИК ШЛЯМБУРА. Далекие горизонты, большие масштабы, здоровые установки.

УЧИЛСЯ НА МЕДНЫЕ ДЕНЬГИ. При условии упорной работы над самобразованием, обещает много".

Трудно более коротко и более удачно охарактеризовать личность и творчество поэзо-МОНТЕРА, чем это сделано в выше-приведенной рецензии.

В этих немногих строках сказано, кажется, все, что вообще можно сказать о нем и о его произведениях, из которых мы, к сожалению, имеем возможность поместить в данном номере журнала только одно.

Дело в том, что заявление поступило уже после того, как журнал был окончательно сверстан, и опубликование большего количества стихов неизбежно заставило бы нас отказаться от освеще-

- 12 -

ния других, не менее актуальных, тем, что совершенно не увязывалось с календарным планом работы Редакции.

В последующих номерах, мы будем систематически помещать понескольку произведений Заблудившегося и наши читатели смогут подробно ознакомиться с его оригинальным, самобытным, мировоззрением.

Но даже напечатанные здесь заявление и стихотворение уже достаточно ярко рисуют колоритную фигуру Игната и говорят о многом.

Они говорят о том, что пришли золотые некрасовские дни, когда МУЖИК не только "Белинского и Гоголя" понес с базара, но поволок на базар свои собственные "Мертвые души" и "Ревизоры".

И не только они, а все, так называемое, "Полное собрание сочинений" лиричного МОНТЕРА, является своеобразным символом похода русского НАРОДА в литературу.

Читая его, невольно вспоминаешь бессмертные слова Владимира Владимировича Маяковского, где он, описывая современных пролетариев деревни, говорит в поэме "Хорошо":

В избах папаша;

Каждый хитр.

Землю понашат,-

Попишет стихи.

В самом деле, разве наш Игнат не тот самый ПРОЛЕТАРИЙ, который, вместо сельской избы, сидит на городской электрической подстанции, и вместо пахания занимается РЕМОНТОМ ЭЛЕКТРОМАШИН.

- 13 -

3231

423

авес про него нельзя было бы сказать:

В подстанциях монтеры;

Каждый хитр.

Починит моторы,

Полишет стихи.

Само собой разумеется, можно.

Заблудившийся не первый и не последний, идущий в Поэзию от масленников, реостатов, токарных станков и ПОМОЙНЫХ ЯМ.

Ценность его произведений заключается не в том, что они являются первыми вкладами МУЖИКА в сокровищницу русской литературы и не в том, что они блестяще отшлифованы с технической стороны.

Редакция знает, одного молодого ТРУБОЧИСТА, который, проработав много лет с метлой и гирей, на 26-м году жизни начал писать стихи и техническая обработка их ничуть не уступала стихам МОНТЕРА.

Приведем, к примеру, цитату из его поэмы "ЛАПСЕРДАК", в которой он говорит следующее:

" Вот, сижу я на трубе,

В саже весь и весь в дыме

И все думаю, - Сейчас

Здесь бы выпить в самый раз".

Как видите, весьма и весьма недурно отделанный хорей. Но, надо ли говорить о том, что эти стихи абсолютно не выдержаны идеологически и являются наследием проклятого прошлого, когда темная масса трубочистов только и думала о том, как бы выпить, при каждом удобном случае.

- 14 -

Это и так слишком очевидно.

Целесообразнее будет указать на то обстоятельство, что среди той огромной толпы ПРОСТОНАРОДЬЯ, которая теперь хвастается за перо, увы, очень много таких, которые, в силу ряда объективных и субъективных причин, еще не прозрели, являются нужными современной поэзии и далеки от нас по идеологии.

И, вот, колоссальная ценность стихов нашего заблудившегося МОНТЕРА, в сравнении с произведениями таких ЗАБЛУДИВШИХСЯ и ЗАТЕРЯВШИХСЯ ТРУБОЧИСТОВ, ЗОЛОТАРИКОВ и ДВОРНИКОВ художественного слова, заключается, именно, в том, что его стихи не являются продукцией созданной рукой перерожденца, или отщепенца своего класса.

Наоборот, все они, как один, пропитаны чистой, как слезой, пролетарской идеологией.

Идеологией бодрого, энергичного, строящего новое общество, класса.

Разве патетическое восклицание ИГНАТА —

— "Мать моя честная,

Скучно мне со мной" — не характеризует ^{его} как человека с новыми запросами, как общественника и коллективиста, тяготеющего к единству и осознавшего преимущества коллектива перед личностью? Конечно, характеризует.

"Я ни в какие упадничества не вдавался", — просто-душно повествует, в своем заявлении, МОНТЕР и он, безусловно, не лжет.

Посмотрите внимательнее на, прилагаемое нами, ^{его} фото и вы позавидуете той наивной, почти детской, жизнерадостности, которая светится в глазах Игната.

Вглядитесь в его ухарскую позу, в которой он засиял

- 15 -

портрете, и вы поймете, что он смотрит в светлую перспективу будущего и хотел плавать и чихать на все тени прошлого.

Соррите с него душащие его воротничек и галстук, которые на нем сидят, как на корове седло, дайте ему в руки гармошку, и вы согласитесь, что Игнат не способен, не только ударяться в упадочничество, но не способен даже над чем-нибудь серьезно задумываться.

Это ВЕДИКОВОЗРАСТНОЕ ДИТЯ принадлежит к той бесшабашной армии незаметных серых героев нашей эпохи, которые не утруждают своей "АРЖАНЬЕ" головы разрешением каких-либо проблем, или, не говорящей до добра, философией.

О столь скучных и прозаичных вещах, за них думают другие. Они же самой природой созданы только для того, чтобы захлебываться от восторга и кричать ура, когда им об этом намекают их духовные наставники.

О каком же упадочничестве тут может идти речь.

Заблудившийся - стопроцентный реалист.

Все его стихи, от первого до последнего, далеки от самонадеянных налетов мистики, или утопического романтизма.

Заблудившийся не любит никаких фантазий и презирает, кажется, всех претов, кроме себя, за то, что они все свои вещи выдумывали из головы".

Он подчеркивает в заявлении, что считает только тот стих общественно полезным, в котором описан живой человек, отлучивший его прочесть и, в случае, если стих хулительного повода, исправить свои недостатки.

- 16 -

И, действительно, все его стихи посвящены реальным, живым, или жившим, людям, из которых большинство знакомо МОНТЕРУ лично.

Игнат чрезвычайно непосредственен и прост.

О хороших людях он отзывается хорошо, а тем, кто, по его мнению, плох, достается на орехи.

Вышепомещаемое нами, его стихотворение является блестящей сатирой на одного известного салтыковского повесу и самодура. Насколько широка поэтическая эрудиция ее автора можно судить уже потому, что стих написан четырьмя различными размерами от шестистопного ямба, до дактиля включительно.

Эта острая, как игла, дышащая язвительным сарказмом, эпиграмма производит впечатление громового удара, сшибает с ног и убивает наповал.

Только тот, кто знает, человека, которому она посвящена, может понять, как исключительно метко, в нескольких строках, заблудившийся обрисовал портрет самоуверенного, пустого фанфарона, цинично высмеивающего недостатки и слабости близких ему людей, и как безукоризненно точно этот портрет похож на оригинал.

Какими сочными и яркими эпитетами награждает, вставший на дыбы, МОНТЕР своего обидчика, осмелившегося надругаться над его музой.

Сколько чувствуется завидной прямолинейности, в отношении его к "нахальному болвану" и "индюку", в лицо которого, словно звонкая пощечина, летит презрительная фраза -

- " Я на тебя хотел на...ть,
Тебя я ненавижу"!

- 17 -

Вряд ли ктонибудь усомнится в том, что А-М-в раздавлен, топтан, в грязь могучей оплеухой "самостоятельного литерато-

а. Не будем тратить время на доказательство очевидного. Достаточно сказать, что надменный фигляр получил заслуженное возмездие.

В самом деле, что может быть возмутительнее, чем издевательство над алтарем искусства, чем плевок на жертвенник поллона.

Что смешного нашли Вы, А-М-в, в том, что заблудившийся неграмотен?

Это скорее плачевно и на это есть свои исторические причины.

И, смеем Вас уверить, если Вам кажется, что звуки лиры заблудившегося похожи на лязганье посатижей, то это доказывает только то, что Вы, как остроумно подмечено в эпиграмме, "глуп, как пух" и ничего не смыслите в современной поэзии.

Стыдитесь, молодой человек!

Вы ведь, кажется, с высшим образованием.

Заканчивая обзорение творчества нашего нового сотрудника, считаем необходимым от имени Редакции вынести Вам порицание, за недопустимое отношение к салтыковским гражданам вообще, к работнику Коллегии в особенности, и разъяснить Вам, что в лице обаянного Вами Игната, Редакция приобрела чрезвычайно талантливого и талантливого корреспондента, ядовитые стрелы которого радом полетят в Вас со страниц нашего журнала, в случае повторения чего либо подобного.

Это ничего, что его талант первобытен, девственен, что к нему еще не прикасалась похотливая рука серьезной критики и что

- 18 -

его придется, как дикое растение, долго культивировать, дабы получить в будущем благоухающие цветы искусства.

Это Редакция несомненно сделает и выведет на широкую дорогу одаренного парня, ЗАБЛУДВШЕГОСЯ В ДЕВЯХ БРОТРАТИНСКИХ ПРАВИЛ И ТРЕБОВАНИЙ ЦЕНЗУРЫ.

Дося Шибзаиков.

ДЯДЕНЬКА! ПРОКАТИ!

О Да, Вы в уме, Милостивый Государь?!

Да, Вы знаете, как можно квалифицировать Ваши поступок?!

Да, Вы представляете себе все последствия, которые он повлечет за собой?!

Да, Вы ....

О, Вы жестоко поплатитесь за публичное нанесение оскорбления Редакционной Коллегии вообще и дому редакции в частности.

И не стройте, пожалуйста, из себя невинного агнца, не поднимайте от удивления брови, не пожимайте плечами, а, самое главное не вздумайте уверять нас, что Вы не понимаете в чем дело и, что здесь какое то недоразумение.

Мы все великолепно знаем, все видели собственными глазами. Еще когда Ваше идиотское корыто только показалось на нашей улице, так Редакция тотчас-же была уведомлена об этом и составил акт категорического протеста против творимых Вами безобразий.

И вдруг ....

Нет, это-же просто хамство! Более того, это преднамеренное хулиганство. Нам просто стыдно писать об этой позорной истории.

Неужели Вы воображаете, что наша Коллегия помещается в

Приложение 5. Следователь Павловский. Избранные допросы по делу П-5407

Пунктуация и орфография сохранены

Допрос свидетеля. Ефремов Дмитрий Андреевич (1906 г.р.) 1 августа 1935

[Л.151–152]

Будучи предупреждён об ответственности по ст. 95 могу сообщить следующее:

30-го июля с.г. в наш дом зашёл гр-н Власов Константин, студент МГУ, 1906 или 1907 г., проживает в Москве в общежитии, но сейчас живёт у отца по 2-й Кучинской ул. напр. д. 18 и показал нам журнал с рукописной обложкой напечатанный на машинке (листов 40) с фотоиллюстрациями. Журнал сделан так, что его не отличить от настоящего. Название "Зубоскал" и вверху написано: "критике не подлежит" орган беспечальных коптителей Салтыковского неба".

Содержание журнала явно антисоветское. Мне удалось прочесть передовую, в которой сперва помещено заявление рабочего в "редакцию", а затем разбор редакцией этого заявления в таком духе: "рабочие неграмотные, навозники, из помойных ям ползут в литературу и вся литература сейчас в руках неграмотных людей, которые берут только тем, что подхалимничают и приспосабливаются к советской власти, описывая существующее в СССР положение в преукрашенном виде, в то время, как население терпит нужду и находится в тяжелых условиях.

Далее там прямо от редакции указано, что писатели не могут писать правду и что подлинным художникам, которые не умеют приспособляться не дают возможности писать. В общем тон всей статьи об упадке литературы в Советском Союзе в откровенных клеветнических к-р тонах по отношению партии и соввласти.

Добавляю, что Власов рассказал мне, что сам не принимал участия в издании журнала, а получил его почитать от товарищей, живущих в Салтыковке.

Кроме того должен сообщить, что соседка по квартире Кондратьева Вера сообщила мне, что на ст. Салтыковка на 1-е мая была вывешена стенгазета, на которой через день появились вновь наклеенные контрреволюционные статьи. Когда я и Кондратьева читали журнал "Зубоскал" наше внимание обратило также статья от редакции, где стояло, что "в связи с неудачным опытом выпуска контрреволюционной газеты на станции, редакция решила выпускать журнал для "подходящего круга читателей".

В конце журнала редакция заявляет, что если кто будет разглашать о журнале и оперативные органы вмешаются в это дело, то по отношению к ним будут предприняты строгие меры вплоть до уничтожения.

Записано правильно, мне прочитано (Ефремов)

Допрос обвиняемого. Молчанов Леонид Аркадьевич (1909 г.р.) 3 августа 1935

[Л. 54-56]

Вопрос: Кто является редактором нелегально издаваемого журнала "Зубоскал"?

Ответ: Редакторами, а также активными участниками издания данного нелегального журнала "Зубоскал" являлись я — Молчанов, Есипов Иван, Марков Всеволод и Борис Барабанов (в настоящее время служит в Кр.Армии).

Все статьи написаны и составлены мною по материалам собираемым и затем детально обсуждаемым на заседании редакционной коллегии состоявшей из вышеперечисленных лиц. Барабанов и Есипов собирали материалы для журнала, а художественное оформление производил Марков Всеволод. Печатание журнала на машине производила машинистка НКПС Скрипкина Анна Трофимовна. В указанном номере для зашифровки подлинных авторов, для того чтоб никто не догадался о подлинных авторах его, указано что журнал издается под редакцией Сеницыной Н. В издании его участия не принимало, но вначале догадывалась а затем после выпуска его знала об издании.

Вопрос: В каком количестве и сколько номеров издано?

Ответ: Всего был издан один номер в 4-х экземплярах, один номер остался у меня и изъят при обыске, второй экземпляр был передан сначала Маркову В., а затем Есипову и у него находится в настоящее время, 3-й экземпляр по решению редакционной коллегии был передан Барабанову, а затем журнал был передан в компанию Михайлова Сергея, т.к. у него постоянно собиралась компания и там происходила читка этого журнала. Этот номер затем был взят у Михайлова Филипповой и насколько я слышал, она его сожгла.

Вопрос: Кому вы давали читать журнал и у кого находится 4-й экз. Журнала?

Ответ: Свой авторский Но журнала я давал читать только Шайкину Абе Михайловичу — технику треста “Стальпроммеханизация”, у которого он находился дней 10, четвертый экземпляр журнала был направлен Холчевой Татьяне Михайловне по общему решению редколлегии, т.к. мы знали о том, что Холчева будучи чрезвычайно болтливой, ознакомила с журналом молодёжь Салтыковки, т.е. направляя этот экземпляр Холчевой мы знали, что благодаря её характеру и наших с ней дружеских отношений, мы получим возможность популяризировать этот журнал.

Вопрос: Вы сообщаете, что Вы, — Барабанов, Есипов и Марков являетесь в одинаковой мере инициаторами издания журнала, это не верно. В деле нелегального издания журнала “Зубоскал” Вы занимали ведущую роль при активной поддержке Маркова, Барабанова и особенно Есипова, также Вы являлись инициатором издания нелегальной газеты, вывешенной на ст. Салтыковка.

Ответ: Мы все принимали в равной степени активное участие в издании журнала, газета же издавалась мною при помощи Маркова, содержала в себе шутки по адресу отдельных обывателей Салтыковки.

Вопрос: В этой компании Вы занимали ведущую роль, Вы это признаете?

Ответ: В силу того, что я пользовался авторитетом, естественно, что я занимал в товарищеских отношениях организующую роль.

Вопрос: Кто первый предложил издавать нелегальный журнал?

Ответ: Инициатива нелегального издания журнала принадлежала мне или Есипову, вполне допускаю, что инициатором этого издания был я.

Вопрос: Вы признаете, что Вы были единственным автором журнала?

Ответ: Да, я был единственным автором статей журнала.

Вопрос: Признаете, что содержание статьи "Письмо Игната Заблудившегося" и разбор его редакцией является контрреволюционной клеветой на политику партии в области литературы?

Ответ: Ничего контрреволюционного в содержании журнала я не вижу.

Вопрос: Признаете себя виновным в нелегальном издании данного журнала?

Ответ: Я признаю себя целиком и полностью виновным в издании нелегального журнала "Зубоскал" и в распространении 2-х его экземпляров среди Салтыковских жителей.

Весь протокол допроса мной лично прочитан и правильно записан с моих слов. Конец допроса 11 ч. 00 мин. Молчанов

Допрос обвиняемого. Марков Всеволод Васильевич (1912 г.р.) 3 августа 1935

[Л. 86-90]

Вопрос: Расскажите, когда и по чьей инициативе возникла идея выпуска т.н. стенгазеты "Красный обыватель"?

Ответ: Инициатива выпуска стенгазеты "Красный обыватель" принадлежит МОЛЧАНОВУ Леониду Аркадьевичу, работающему в качестве инженера "Стальпроммеханизации". Дело происходило в чале 1934г. (зимой-март месяц). Четыре статьи этой газеты были написаны МОЛЧАНОВЫМ. Художественно оформлял газету я. Газета выпускалась от имени "Союза коптителей салтыковского неба что предложено и придумано МОЛЧАНОВЫМ, Содержание статей, помещенных в газете я сейчас не помню, общее их содержание сатиристическое — в одной например описывался случай смерти одного пьяницы, который так дескать много выпил, что взорвался от огня спички, когда закуривал папиросу. Остальные статьи освещали описываемое в таком же направлении. МОЛЧАНОВ [ки]чился в этой газете своими литературными способностями, т.к. он считается юмористом. В издании им, вернее выпуске той газеты, вышедшей в одном номере принимал участие также ЕСИПОВ Иван Николаевич. Газета была нами вывешена на здании станции Салтыковка совершенно открыто вечером и мы не видели этом ничего предосудительного, по крайней мере я лично.

Вспомнив, могу более точно воспроизвести содержание статей газеты: первая, о которой я уже говорил, где высмеивается пьяница, была написана по адресу СПИРИДОНОВА Анатолия, ныне умершего и в статье называлось его имя. Вторая статья была посвящена КРОСТИНОЙ Тамаре - жительнице пос. Салтыковка, нашей общей знакомой, которая высмеивалась как работавшая продавщицей и о ней явно указывалось, что якобы она продает ночную посуду - горшки (смысл примерно таков). Третья статья была направлена против БАРАБАНОВА Бориса, ныне он служит в красной армии по призыву, и он высмеивался в статье как человек не умеющий себя сдерживать, способный смеяться без причины и делать другие подобного же рода невыдержанные поступки. Четвертая и последняя статья газеты относилась к ХОЛЧЕВОЙ Татьяне, то-же нашей общей знакомой и в ней ХОЛЧЕВА описывалась в юмористическом духе — ее внешний вид (фраза-похожа на тумбу). Газета провисела на станции не долго часа три и была кем-то сорвана, кем именно не знаю.

О том, что мы эту газету писали и повесили на станции знали после многие из молодежи. Редактором стенгазеты указывалась Надежда СИНИЦЫНА, которая в действительности никакого участия ее выпуске не принимала и не была даже осведомлена об этом. Псевдоним СИНИЦЫНОЙ был предложен МОЛЧАНОВЫМ.

Вопрос: Когда именно и в результате чего возник план выпуска нелегального журнала "ЗУБОСКАЛ" к какому времени это относится и кто является инициатором и авторами статей помещенных в журнале?

Ответ: Прежде всего этот журнал "Зубоскал" я не считаю нелегальным, т.к. он широко распространялся нами совершенно открыто и не только нами, но и другими лицами, которых я назову иже и вся молодежь Салтыковского поселка знала о существовании журнала со дня его выхода и до последнего времени.

Идея издания журнала принадлежит МОЛЧАНОВУ. Буквально все его содержание написано также МОЛЧАНОВЫМ. Выпуск журнала обсуждали: МОЛЧАНОВ, я — МАРКОВ, ЕСИПОВ И. Н. и БАРАБАНОВ Борис, упоминавшийся выше. Цели выпуска — посмеяться, создать юмористическое произведение, где МОЛЧАНОВ показал бы свои литературные способности. В качестве мишени были взяты некоторые наши знакомые, в частности АНИСИМОВ с его стихами, Игорь АЛЕКСЕЕВ, изобретатель-неудачник и некоторые другие знакомые. Журнал выпущен был нами примерно в сентябре-октябре мес.34 г. В четырех экземплярах, причем художественное их оформление (обложку и заголовки) делал я — МАРКОВ, ЕСИПОВ и БАРАБАНОВ подбирали материал для статей МОЛЧАНОВА. Журнал был выпущен под маркой "Союза коптителей салтыковского неба при чем опять было указано, что общая редакция принадлежит Надежде Синицыной, в действительности опять таки не имевшей никакого отношения к делу и даже не знавшей о выпуске журнала, Ее фамилия была использована в качестве псевдонима.

Для того, чтобы распространить журнал, найти ему читателей мы направили один экземпляр по почте Татьяне ХОЛЧЕВОЙ, как девушке располагающей большим кругом знакомых, ХОЛЧЕВА как я слышал — комсомолка и активная комсомольская работница. Второй номер журнала был отдан БАРАБАНОВУ — он давал его читать своим знакомым. Третий номер находился у ЕСИПОВА, который хотел сохранить его "на память". Давал-ли он его читать кому-либо я не знаю. Четвертый номер находился у МОЛЧАНОВА. Я брал журнал у ЕСИПОВА и давал его читать своим родителям, сестре и родственнице ТАРАБРИНОЙ Екатерине Николаевне, живущей в Москве, бывшей у нас — в гостях. Нужно отметить, что хотя мы — участники выпуска журнала и МОЛЧАНОВ — как его автор, — себя прямо не называли, однако по всей Салтыковке стало известно, что "Зубоскал" является делом наших рук. Однако на высказываемые нам в этом направлении предположения мы отказались от авторства, ссылаясь на псевдоним.

Вопрос: Вы утверждаете, что журнал "Зубоскал" не являлся нелегальным, одновременно Вы утверждаете, что он был выпущен под псевдонимом и все вы — участники выпуска, решительно отказывались от авторства. Получается явное противоречие, подтверждающее, что журнал был именно нелегальным?

Ответ: Я с такой постановкой вопроса не согласен. Нелегальным я считал бы такой журнал, содержание которого имело бы что-нибудь предосудительное или запретное, Пользование псевдонимом нельзя как я думаю называть нелегальщиной. Журнал "Зубоскал" как я утверждаю, затрагивал вопросы только в литературном освещении и в нем не было ничего такого, что можно было бы характеризовать как политически вредное. Совершенно безусловно полагаю считать, что там не было ничего антисо-

ветского. Я журнал сам читал и не видел там ничего предосудительного.

Вопрос: Кто печатал материал, помещенный в журнале "Зубоскал"?

Ответ: Перепечатывала весь материал знакомая МОЛЧАНОВУ машинистка, которой я совершенно не знаю.

Вопрос: Как Вы можете охарактеризовать политические убеждения МОЛЧАНОВА?

Ответ: Антисоветского характера высказываний со роны МОЛЧАНОВА я никогда не слышал.

Вопрос: Вы обвиняетесь как соучастник создания и ским содержанием, Признаете-ли Вы себя виновным в этом? сто- выпуска нелегального журнала "Зубоскал с явно антисоветским содержанием. Признаете-ли Вы себя виновным в этом?

Ответ: Я показал уже выше, что активно участвовал в выпуске журнала "Зубоскал". Категорически отрицаю свою виновность в антисоветской деятельности, т.к. журнал "Зубоскал как я утверждаю, не являлся антисоветским по своему содержанию. Никаких целей политического характера мы при выпуске журнала вообще не ставили.

Протокол записан с моих слов правильно. МАРКОВ Допросил: П/нач 5 отделения СПО УГБ — ШУПЕЙКО. Верно: (Марков)

Допрос свидетеля. Кондратьев Владимир Григорьевич (1909 г.р.) 3 августа 1935

[Л.161–163]

Вопрос: Расскажите, что вам известно об издании а/с журнала "Зубоскал"?

Ответ: 30.VII.1935 ко мне на квартиру пришли мои знакомые — соседи в пос. Салтыковке Ефремов Виктор Андреевич и Власов Константин и принесли с собой журнал "Зубоскал". Заинтересовавшись этим журналом, мы все вместе устроили читку этого журнала, в котором на первой же странице была помещена статья антисоветского содержания, в которой высмеивалась и дискредитировалась советская литература и ее классовая сущность. Злые насмешки и иронии над социальным происхождением и безграмотностью советских литераторов. Прочтя эту статью и несколько других, мы прекратили чтение журнала, оценив его как антисоветский журнал, забрал его Власов Константин. Кому его передал и от кого он его получил я не знаю — Власов об этом не говорил.

Кем издавался этот журнал я не знаю, но на обложке его я видел надпись о том, что главный редактор журнала Н. Сеницына, также над изданием журнала работали: Анисимов, Молчанов надписи которых я видел на обложке журнала. Кроме этого случая больше журнал "Зубоскал" я не видел.

Вопрос: Что вам известно о политических настроениях Сеницыной, Молчанова, Анисимова и Михайлова?

Ответ: О политических настроениях Сеницыной, Молчанова, Анисимова, Михайлова мне ничего неизвестно, т.к. с ними я мало знаком, ничего общего с ними не имею, с ними никогда не беседовал на

политические темы. Однако мне известно, что эти люди представляют собой компанию, собираясь для танцев и игры в карты.

Записано с моих слов верно — мною лично прочитано. Кондратьев

Допрос обвиняемого. Есипов Иван Николаевич (1911 г.р.) 11 августа 1935

[Л.114–115]

Вопрос: Следствием установлено, что Вы являлись участником антисоветской группы, организатором которой являлся Молчанов. Что Вы можете показать под данному вопросу?

Ответ: В начале 1934 г. я сблизился с Молчановым Л.А. и его другом Марковым Всеволодом Васильевичем. Молчанов по своим убеждениям является враждебным соввласти и всегда касаясь мероприятий соввласти и партии высказывал контрреволюционные взгляды.

В условиях СССР, по выражениям Молчанова, свободы личности не существует, человек должен думать только как ему предписывают. Руководство партии ведёт политику, находящуюся в противоречии с интересами масс. В СССР имеет место перерождение, несколько лет тому назад страна ещё шла к социализму, а сейчас мы превращаемся в такую же буржуазную страну, как и остальные, — неоднократно говорил Молчанов.

При этих разговорах, как Марков, так и я, находясь под влиянием Молчанова, соглашались с ним и поддерживали его взгляды. Особую враждебность носили разговоры о политике партии в области литературы. Неоднократно Молчанов, а за ним и я — Есипов и Марков, касаясь литературы высказывали взгляды о том, что в литературе сейчас командует кучка продажных подхалимствующих писак, которые изгоняют из литературы подлинных художников, которые не умеют приспособляться, как Романов. Разговоры антисоветского содержания в литературе велись неоднократно до последнего времени.

Вопрос: Какую цель вы преследовали, издавая нелегальный журнал а/с содержания?

Ответ: Организатором и инициатором издания журнала являлся Молчанов, но признаю, что я, также и Марков принимали активное участие в его издании. Передовая журнала — статья “О творчестве Игната Заблудившегося”, по существу отражала наши антисоветские взгляды в области литературы, пролетарские писатели выглядели в этой статье попросту бездарными хамами, отражающими подлинную культуру, “вышедшими из помойных ям”.

Эта статья — контрреволюционная клевета на советскую литературу. Издание журнала по существу являлось возможностью “свободно писать”, не будучи связанными политической тенденциозностью, имеющей место в печати. Журнал таким образом является центром, сколачивающим вокруг себя идеологически неустойчивую, морально разложившуюся молодёжь.

Весь протокол допроса мною лично прочитан и правильно записан с моих слов. Конец допроса в 10 ч. 20 мин (Есипов)

Допрос свидетеля, Кондратьев Николай Григорьевич (1914 г.р.) 25 августа 1935

[Л.167–168]

Вопрос: Что вам известно об издании журнала Зубоскал.

Ответ: 29 июля с/г. я с Власовым зашел к Калнину у которого собиралась большая компания ребят. Калнин вытащил журнал Зубоскал и предложил Власову почитать его вслух. Власов взял его но читка его вслух не вышла, так как большинство его уже читали.

Власов взял журнал к себе и на следующий день прочитав его дал мне для прочтения, а затем сказал, чтоб я вернул журнал Калнину.

Я узнав об арестах сдал этот журнал в органы НКВД.

Калнина я могу охарактеризовать как человека политически неустойчивого, а в ряде случаев Калнин высказывался и антисоветски так помню, касаясь тов. Сталина. Калнин в моем присутствии заявлял Сталин ведет черезчур жесткую политику, проводит индустриализацию за счет урезки нужд населения, и в результате мы испытываем большие затруднения.

Мною прочитано правильно записано с моих слов (Н.Кондратьев)

Допрос обвиняемого. Молчанова Леонида Аркадьевича 3 ноября 1935

[Л. 190-191]

производил прокурор М.О. по спецделам Альбова в присутствии уполномоченного Павловского

Вопрос: В чем заключается неправильное ведение следствия о котором вы упоминаете в своих заявлениях.

Ответ: Неправильное ведение следствия заключается в том, что ответы и вопросы редактировались не мной, а уполномоченным и в этой редакции коренным образом искажен смысл моих показаний.

Вопрос: Подписывали ли протоколы вами сами и добровольно ли вы их подписывали?

Ответ: Протоколы подписывались мною собственноручно после прочтения их лично мной. Дача подписей под моими показаниями происходила недобровольно.

Вопрос: В чем выразалось насилие со стороны уполномоченного заставившего вас, по вашим словам, подписать неправильные показания.

Ответ: Насилия выражались в настойчивом убеждении в том, что всякая попытка отказаться от подписи показаний будет расцениваться как укрывательство и контрреволюция. Никакого физического воздействия, а также грубости и резкости со стороны ведущих допрос не было, но в категоричной форме им было заявлено, что отказ от подписи вызовет ряд репрессий ко мне так и к родственникам в виде отказа от передачи, свиданий и выселения родственников. Вопрос: Чем же тогда объясняется, что кроме подписи протоколов вы собственноручно давали показания на очных ставках и в своем заявлении в суд о своих контрреволюционных взглядах, а также о взглядах ваших товарищей.

Ответ: При первом допросе от 10.VIII я поставил подпись под не соответствующем истине протоколом по вышеуказанным причинам, при 2-м заявлении 10.VIII показания были составлены собственноручно

т. Шулейко, причем они являлись еще более резкими и некоторые показания (о т. Ст...) записаны добавочно тут же без всякого моего согласия. Все эти показания являются искаженными даже по сравнению с 1-м протоколом.

Вопрос: Как же вы, не считая себя контрреволюционером, боялись обвинения в укрывательстве контрреволюции и отсюда и репрессий к родителям?

Ответ: Я зная легкомысленность и слабохарактерность Есипова и Маркова предполагал, что они могут подписать любые показания, уступая уверениям уполномоченного в том, что в его редакции нет ничего заслуживающего большего наказания, дал подпись под ложными показаниями.

Вопрос: Почему вы в течение всего периода следствия и после окончания следствия не заявляли ни в органы НКВД ни в прокуратуру о ненормальных по вашим словам, условиях следствия?

Ответ: С момента подписания ложных показаний до окончания следствия прошло 15 дней в течение которых я находился в нервном состоянии и был неспособен обдумать свои поступки, а затем я не знал кому жаловаться до передачи дела прокурору.

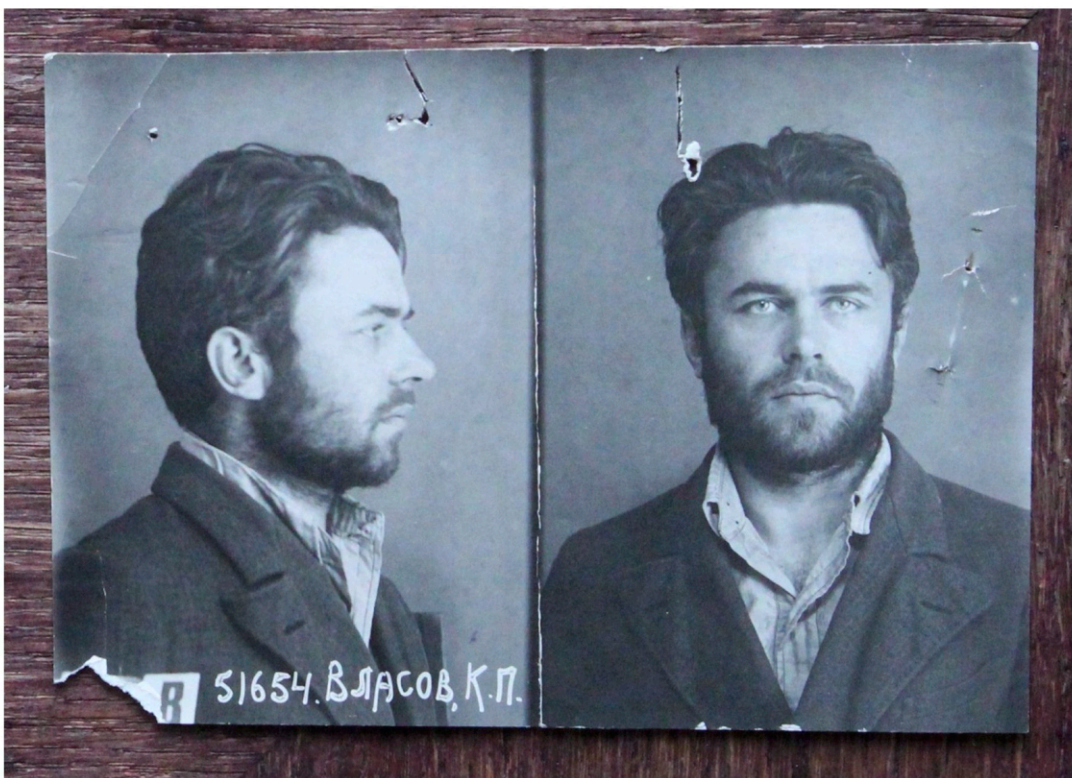
Допрос производился с 14 до 18 час. Весь протокол на 2-х бланках мною лично прочитан и мои ответы правильно записаны с моих слов. Молчанов

Приложение 6. Фотографии фигурантов из архивно-следственного дела П-5407: Анатолия Половинкина, Леонида Молчанова, Сергея Михайлова, Константина Власова, Всеволода Маркова.

◇ ***“Zuboskal”: No Criticism Allowed! Practices in the Methodology of Rehabilitation*** ◇
Sergey Bondarenko, Natalia Baryshnikova

Abstract

The article analyzes the texts in and about the magazine “Zuboskal” (literally – “The Scoffer”), self-published in 1934 by its author, 26-years-old engineer Leonid Molchanov. The magazine was used as physical evidence against Molchanov and his readers, a small circle of friends and neighbors from Saltykovka, a village near Moscow.

Molchanov’s file from 1935 is kept in the State Archive of the Russian Federation among the materials on rehabilitated Muscovites and residents of the Moscow region. In 2018, the research group discovered his work and has since been trying to determine how to proceed: should it be republished in its original form? Can the investigative material serve as its commentary? Or, on the contrary, are the texts of the magazine themselves a commentary on the work of the investigation? How can a critical and microhistorical analysis of both texts be arranged? Is the new phase of the “Zuboskal”’s life, after the revision of the results of the political investigation, a form of rehabilitation?

Keywords

Archival Investigative Case, GARF, Literary Criticism by NKVD Investigator, Samizdat, Saltykova (Village), Soviet Literature Before 1934, Soviet Political Repressions in the 1930s, Rehabilitation.

Authors

Sergey Bondarenko, historian, screenwriter, member of the Memorial Society. Participant of the research group “Dead Souls” and “Beaten up” art-group.

Natalia Baryshnikova, culturologist, producer of communication projects of the Memorial Society, researcher at the Buchenwald Memorial.

Publishing rights

This work is licensed under **CC BY-SA 4.0**

© (2023) Sergey Bondarenko, Natalia Baryshnikova